

ВЫЖИВАЛЬЩИК

ИГОРЬ ЧИРКУНОВ

16+

Игорь Чиркунов

Выживальщик

Серия «Длинный список 2020-го
года Премии «Электронная буква»»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51762414
SelfPub;*

Аннотация

Наше время, окраина промышленного города. Всё как везде: люди жили и работали, создавали семьи и растили детей, участвовали в политической жизни или занимались хобби. Кто же знал, что в одну из ночей вся эта жизнь накроется ядерным грибом? У Артема и его друзей, «выживальщиков», все готово, чтобы пережить непростые времена: бункер в лесу, должная подготовка и снаряжение. Вот только вокруг люди: растерянные, не ждавшие, не готовые. Как поступить правильно в сложившейся обстановке, чтобы оставаться человеком? Прим.: «Выживальщики», или Сурвивалисты (от англ. Survival – выживание) – движение, объединяющее людей, которые активно готовятся к ожидаемым чрезвычайным ситуациям, в том числе глобального масштаба.

Содержание

Пролог. Лес	4
Город	6
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Пролог. Лес

– Почти дошли, – рослый заросший щетиной парень, вышедший на край речного обрыва, оглядел открывшуюся перед ним перспективу бескрайнего леса, еще раз сверился с компасом, несколько минут разглядывал карту, поворачивая ее так и эдак. Потом снова обратился к своей спутнице: – Никогда с Владом не думали, что придется топать пехом от самого города. План был доехать до дедова кордона, оттуда всего два часа ходу. – Он погрустнел, помолчал: – Кто ж знал-то?

– Тёма, нам еще долго до твоего бункера? – устало вздохнула спутница, невысокая худенькая девушка в таких же, как у него, берцах и горном костюме, в просторечии «горке», из-под камуфлированной кепки которого выглядывал пук светлых волос, но с гораздо меньшим рюкзаком.

– Нашего, Светик. Теперь – нашего. Думаю, часа за три дойдем, считай, мы уже в безопасности.

– Давай отдохнем, а? Ног не чувствую и спина просто отваливается.

Парень с нежностью провел тыльной стороной кисти по ее щеке:

– Устала, малышка? Тогда, конечно, полчаса-час теперь роли не сыграют.

Он принялся расстегивать пряжки здорового станко-

вого рюкзака.

– Надо было со мной в походы ходить, – добавил другим, беззлобно-ироничным тоном, – сейчас бы так не выматывалась.

– Надо, – выдохнула девушка, облокотилась рюкзаком на ближайшее дерево, да так по нему и съехала на корточках, – но кто ж вас, выживальщиков, всерьез-то воспринимал?

Артём, уже избавившийся от своей ноши, подошел, заботливо расстегнул грудную и поясную стяжку, освободил ее плечи от лямок, помог вытянуть ноги. Предложил коврик из вспененного материала:

– Пенку подстелить?

Света помотала головой.

– Ну хорошо, отдыхай. Сейчас кашу сварганю и кофейку.

Он поцеловал ее, сделал шаг в сторону, но глухие всхлипы заставили обернуться – девушка закрыла лицо руками, плечи начали подрагивать.

– Господи, как же жить дальше?

Парень подсел рядом, прижал к себе, снял с нее кепку и принялся ласково гладить по волосам:

– Надо просто жить, раз уж повезло. Просто жить.

Город

Совсем недавно, буквально пять дней назад, Артём и Света жили в большом промышленном городе – за полмиллиона жителей, несколько крупных предприятий, деловой центр с высотками из стекла и бетона. Стихийные митинги, скачущая и скандирующая молодежь, местные и заезжие: то ли правдорубы, радеющие за народ; то ли негодяи, пытающиеся на мутной волне въехать во власть. А может, и просто фрики да городские сумасшедшие. Если верить телевизору – одно, если интернету – другое, а послушать народ в очередях – третье. Полиция, разгоняющая митингующих; задержанные, постыжие фотки в инстаграм из автозаков; матерящиеся на всех муниципальные службы, убирающие мусор после подобного веселья, – одним словом, последние годы в городе шла нормальная цивилизованная жизнь.

Сквозь хаос местных новостей прорывались новости международные, обозреватели обещали скорейший мировой коллапс. Добавляли жару экологи, рассказывающие о надвигающейся катастрофе: тут и химический завод, построенный еще во времена оные, уже дважды исчерпал свои ресурсы; и нефтеперерабатывающий завод, недавно сданный в эксплуатацию с вопиющими нарушениями технологий.

Горожане давно привыкли, что живут буквально за день до конца света, который только по недоразумению никак не

настанет, и занимались своими обычными делами. Никто даже не удивлялся, что, обсудив в курилке очередные рассуждения очередного эксперта, абсолютно достоверно доказывающего, что конец света – завтра, ну край – на следующей неделе, и придя к выводу, что на сей раз этот специалист действительно прав, начинали обсуждать следующий посевной сезон: кто куда поедет в отпуск или куда отправить детей учиться.

Впрочем, не все были так беззаботны. Некоторые, снисходительно поглядывая на беспечных земляков, готовились. К чему, иные и сами не знали: к отключению электричества, землетрясению, гражданской войне с погромами, ядерной зиме, зомби-апокалипсису, нашествию инопланетян – одним словом, к худшему, в чем бы это ни проявлялось. Одни затаривали тонны гречки с макаронами и тушенкой, скупали коробками соль и спички. Другие готовили тревожный чемоданчик или, что практичнее, рюкзачок, который в час икс можно быстро схватить, и бегом – выживать. Третьи получали лицензии на охотничье оружие и закупали его на все деньги, разумно полагая, что в условиях глобального катаклизма, при отсутствии институтов правопорядка лучше иметь под рукой огнестрельные аргументы. Особенно в ситуации, когда к тебе ломятся зомби, ну или банальные бандиты.

Каждого такого готовящегося или считающего, что он готовится, можно было легко опознать по EDC-набору (от англ. Every Day Carry – «носить каждый день»). Впрочем, ка-

нонического варианта также не было: кто-то ограничивался фонариком и перочинным ножиком, у других этот набор с трудом вмещался в небольшой рюкзак.

Но, конечно, вершиной в подготовке был бункер. О, этот бункер! Мечта! Место, где можно наглухо затвориться от разгула радиации, шастающих по лесам боевых марсианских треножников или шаек мародеров. Пусть весь мир катится в тартарары, обитатели бункера смогут жить припеваючи. Пока не кончится запас продуктов.

Сами себя эти ребята называли выживальщиками, или сурвивалистами на английский манер. Ведь они собирались выжить в будущей катастрофе, которая вот-вот наступит.

Артём, хоть и являлся адептом сурвивальной веры почти восемь лет, оголтелым фанатиком себя не считал. Он не носил браслеты из паракорда и не писался от радости при виде Navy Seals knife или чего-то подобного. Все это, по его мнению, были атрибуты так называемых диванных выживальщиков. Иногда он интересовался у любителя похвастаться очередным ножом, типа «сдохни от зависти, Рембо», для чего тот собирается его использовать? Для самообороны? Охотиться на медведей? Строить укрытие из бревен? Резать колбасу? Или вот браслет из пресловутого паракорда. На фига? В нужный момент расплести и использовать? Как? Для спуска из разрушенного здания? Ну так ты прямо сейчас попробуй, а то потом сюрприз будет.

Но даже его внешне весьма скромные приготовления вы-

зывали нездоровый ажиотаж окружающих, особенно коллег. Человеком он был надежным, у начальства числился на хорошем счету, в свою веру обращать никого не стремился, поэтому проходил у сослуживцев по разряду «хороший человек со странностями».

– Слышь, Артём, ты же не куришь, зачем тебе зажигалка? Отдай мне. А нож тебе на фига?

– Это не нож, это мультитул.

– Все равно. Разве это не холодное оружие? Смотри, менты отберут!

– Артём, привет! Как выходные? Небось, опять в лесу комаров кормил? Предлагали же тебе с нами в сауну! Нормально оттянулись, я конец вечера какими-то урывками помню! Что будешь в старости вспоминать?

– Ты что, и в театр пойдешь в своих ботиках «нас бомбили, мы спаслись»? Меня слушай, я пацан на стиле, научу тебя, как одеваться.

– Вот Артём, вроде красивый мужик, спортсмен, все при нем, но как же одевается! Вечно напялит на себя нечто, будто только что из леса вылез. Ему бы прикид приличный, причесочку модную. Я б, наверно, с таким замутила!

Так бы и шло все своим чередом, но вот, когда текущим гарантам прав и свобод оставался год до переизбрания (а никто не сомневался, что еще один срок правящий клан не потянет чисто по возрасту), накал бреда усилился. Пропасть между очень богатыми и совсем не богатыми зияла

страшной чернотой. Уходящие хозяева жизни пытались как-то застолбить завоеванное непосильным трудом. Готовящиеся стать новыми хозяевами, плотоядно облизываясь, косились на «стариков» и друг на друга. Бензинчику в огонь подливали зарубежные «друзья».

Как-то внезапно волна протестов переросла в откровенные стычки с властями, на улицах раздались выстрелы. Кто первым нажал на спусковой крючок, так и осталось тайной. По телевизору люди с добрыми, озабоченными лицами рассказывали про распоясавшихся молодчиков, спонсированных мировой закулисой. По интернету такие же хорошие, светлые лица с горящими от возмущения глазами утверждали прямо противоположное.

А потом и вправду пришел глобальный писец. Всем. Что произошло, никто не понимал, ибо с пропавшим электричеством кончились и телевидение, и интернет. Впрочем, закончились не только они. Вся жизнь, как ни банально звучит, разделилась на «до» и «после».

* * *

Накануне позвонил ближайший приятель и собрат по выживальщицкой вере Влад. Кстати, именно он когда-то затащил еще простого туриста Артёма в свои ряды, и вскоре они спелись в отличный дуэт. Сейчас он с нервным смешком рассказал, что у него под окнами появилась бронетехника и что

по ходу день «Д» не за горами. Предупредил, чтоб был готов, как говорится, по первому свистку и лучше прямо сегодня проверил рюкзаки.

– Тёмыч, если что, ждать не буду. Хватаем жен, и ну весь этот цирк в задницу, у нас есть где отсидеться. Пусть другие на этот раз побудут очевидцами, а я потом их мемуары почитаю. На мою долю острых ощущений хватило.

Артём только вздохнул – на руках уже были билеты. С завтрашнего дня начинался отпуск, и у Светки как раз оставались две недельки до того, как музыкальный колледж, в котором она работала педагогом, начнет отходить от летней спячки.

В отличие от Влада, жившего в центре, у ребят в пригороде было относительно спокойно. Но все-таки решили, что пару дней до отъезда можно поспать и на полу, а кровать с толстенным матрасом поставить стоймя к окну, раскрепив палками и привязав к батарее.

Писец пришел той же ночью. Проснулись от удара и грохота рушащихся шкафов. Стекла в окне выбиты, проем загороживал только выживший матрас. В комнате столбом стояла пыль.

Несмотря на заложенные уши и звон в голове, первое, что поразило – тишина. Конечно, где-то что-то рушилось, изредка продолжали звенеть стекла, но современные городские жители привыкли, что даже ночью никогда не бывает по-настоящему тихо: гул машин, музыка, гомон компаний.

Кому-то «везет» с железной дорогой. Но сейчас над районом повисла тишина: ни воя сирен, ни ора сигнализаций. А ведь когда более пяти лет назад у дома напротив бабахнула иномарка их соседа, сработали сигнализации автомобилей половины района.

Лишь спустя секунды, показавшиеся вечностью, раздались первые крики.

– Что там? – Светка, приподнявшись с груды спальников, служивших постелью, промаргивалась, прижимая к груди одеяло.

– Не подходи, пожалуйста, – Артём выставил раскрытую ладонь, – побудь в глубине комнаты.

Перешел на кухню, пробрался сквозь мешанину кухонных шкафчиков («Вот ведь! надо было все-таки на анкеры крепить!»), окно отсутствовало напрочь. Осторожно выглянул – на улице темень: ни звезд, ни луны, ни фонарей. Пятиэтажку напротив, проступавшую из темноты, как будто погрызли по срезу крыши. На фоне чуть более светлой стены провалами зияли глазницы окон, некоторые из них наверху уже разгорались. Но, похоже, рушиться дома не будут.

Пощелкал выключателями, покрутил краны – ни воды, ни электричества.

– Малыш, я на улицу, надо осмотреться. Не хотелось бы проморгать пожар по соседству. Ты без меня к окнам не подходи, и вообще – посиди лучше на месте. Здесь в темноте легко ноги переломать.

– Тёма, ты не долго?

– Ну что ты, родная, я быстро!

Прикроватная тумбочка оказалась погребена под обломками шкафа, стоявшего у противоположной стены, но все же дотянувшегося до нее своей антресолюю. И как только не задело спящих? Повезло.

Артём раскидал обломки. Где же? На глаза попался мобильник: экран расколот, аппарат мертв. О! Нашел! Ну, слава богу! Почему-то вспомнилось, как Светка, дурачась, подтрунивала над его привычкой всегда иметь налобник под рукой: «Что ты его в тумбочку прячешь, надевай! Тебе же без него меня в кровати не найти!» Маленький Petzl пережил нападение шкафа. В его свете нашарил брюки, затем в прихожей сунул ноги в трекинговые ботинки. Не зашнуровывая их, открыл дверь на лестничную клетку – луч фонарика уперся в плотную стену висящей в воздухе пыли, которая мигом забила ноздри. Пошарил светом по сторонам: стены, двери соседних квартир, ступеньки, лестница цела. Взглянул вверх – вроде ничего на голову не свалится. Четыре этажа вниз, металлическая подъездная дверь, магнитный замок (разумеется, неработающий) – и вывалился на заваленную крупными обломками и мелким мусором улицу. В воздухе все та же оседающая пыль, кружат какие-то листочки.

Не горело ни одного фонаря, однако улица подсвечивалась пламенем: одна из квартир противоположного дома уже всю полыхала. Начали хлопать подъездные двери, тут и

там замелькали фонарики. Люди что-то кричали, обращаясь друг к другу и ни к кому конкретно. Одни заполошно бежали, другие стояли и ошарашенно оглядывались.

Отойдя подальше, он бросил взгляд на свою хрущобу. Окна отсутствовали почти везде, колоритно выглядывал его матрас. Успокаивало, что признаков пожара ни по соседству с их квартирой, нигде по всему дому не видно. Мозг старательно концентрировался на каких-то деталях. До сих пор крутилось сожаление, что не озаботился надежнее закрепить мебель и что теперь из посуды у них, по всей видимости, остались только его походные кастрюльки-миски-кружки. Огорчился, что Светка будет переживать из-за наверняка погибшего сервиза, подарка ее матери на их свадьбу. Попытался вспомнить, уцелел ли компьютер, стоящий на столе у окна. Глядя на повсеместно отсутствующее остекление, порадовался, что не зима.

Из подъезда белым пятном растянутой футболки выскочил Миха – сосед, живущий как раз под ребятами.

– Здорово, Артём, чего это у нас тут шандарахнуло? Война?

Артём уставился ему в лицо, в отсвете пожара сосед казался хищно-азартным, в глазах скакали отсветы, как искры адского пламени.

– Типун тебе на язык.

– А что? Достало уже всё, хоть так.

– Да не, ну что ты, Мишаня, какая война?

– И что же тогда?

Удивляясь собственной растерянности, пожал плечами. Вопрос «что?» он старательно гнал от себя все это время, забывая сознание разной мелочью.

– Ладно, пойдем на проспект, оттуда должно быть лучше видно. Да и дом обойти надо, не горит ли что. Только... – бросил взгляд на домашние тапочки соседа, – обулся, стекла много.

Мишаня чертыхнулся и бросился домой, Артём неспешно двинулся вдоль дома в сторону первого подъезда. Там, по краю квартала, проходила магистральная улица района – эдакая пуповина, связывающая их пригород с остальным городом. Прямая, многополосная, с центральным газоном, в который понатыканы фонарные столбы, – настоящий проспект. Тянулась в направлении центра, деля район почти пополам, и с нее должен был открываться примелькавшийся уже вид: по четыре бело-коричневых торца хрущевок с каждой стороны проезжей части, дальше мостик через небольшой ручей и с четверть километра насыпи сквозь пойму, заросшую мелким ивняком, – так и незастроенную болотину. Еще метров двести вверх, к косогору, на котором высились ряды девятиэтажек старых районов. Дальше проспект поворачивал, скрываясь за спинами домов, но с расстояния было хорошо видно, как над крышами старых панелек высились современные четырнадцати- и шестнадцатиэтажные монолиты. А правее, километрах в пяти, взметывался в небо стек-

лянно-стальной остров делового центра. Дальше, по идее, шел исторический центр, низкоэтажный, пафосный, с закрытыми территориями, коваными заборами, кучей бутиков, кафе и административными зданиями. Но его, понятно, не видно с их окраины.

На что рассчитывать, Артём не знал. Если во всем районе вырубилось электричество, а небо затянуто, ни луны, ни звездочки, то, возможно, на проспекте темень – глаз выколи, это здесь пожар подсвечивает. Хотя в душе он все еще надеялся, что, выйдя из-за угла дома, увидит залитые электричеством жилые массивы, где люди, может, даже не проснулись из-за того, что у них тут что-то шарахнуло.

Вышел. Сердце бухнуло и провалилось в желудок. Внутри резко заныло, спина покрылась липким холодным потом, захотелось протереть глаза и проснуться.

Темноты в центре города он не увидел. Впрочем, не увидел и сверкающего электричеством града на холме. На фоне багровых отсветов в небесах ближайšie к нему высоты казались надкусанными пеньками. А дальше только зарево гигантского пожара да изредка взметывающиеся протуберанцы.

В мозгу лихорадочно стали всплывать строки старой инструкции: «При воздушном взрыве эквивалентом в одну мегатонну зона полных разрушений три целых шесть десятых километра. Сильных – семь с половиной. Уже в десяти километрах погибает только пять процентов населения». А мы?

Сколько у нас погибло? Впрочем, о чем это я! До центра города от дома как раз восемь километров! Значит, не оно?!

Подходили люди и останавливались в оцепенении. Медленно, но их группка росла. Стояли молча, слова закончились. Потом кто-то пробормотал, обращаясь скорее к Вселенной:

– Да что, черт возьми, творится-то?

– А это, молодые люди, скажите спасибо нынешнему руководству химкомбината, – раздался скрипучий с ехидцей голос.

На говорящего стали оборачиваться. Им оказался какой-то старичок, сухенький, в вязаной кофте, несмотря на теплую ночь, и очках с толстенными линзами. Послышались удивленные возгласы, а старик с видимым удовольствием продолжил:

– Двенадцать тысяч кубов... – названия Артём не расслышал, – это вам не комар чихнул! А я говорил нынешнему директору, что «твоя экономия до добра не доведет!» И кто теперь перестраховщик?

– Что-то ты путаешь, старый, химичка вон там, левее, – пузатый бородач неопределенного возраста, в шортах и сланцах, указал рукой, – она вообще за городом, а полыхает-то центр.

– Ничего удивительного, – старик напоминал вредного учителя, – вчера ваши молодчики пальбу устроили как раз у комбината, наверняка в емкость попали. Пошла утечка, раз-

лив... легко испаряется. Ветром как раз к центру и снесло. Что-нибудь искрануло, да хоть трамвай, – и амба. Насчет стрельбы мне вчера вечером Вадимыч звонил, мы с ним почитай двадцать лет вместе на химическом проработали. Он тоже не раз говорил...

Артём ничего не понял. Что там говорил Вадимыч, дослушивать не стал: «Блин, там же Светка одна! Все равно созерцание пожарища ничего не решает». Развернулся, протолкался через собравшуюся толпу и на выходе был перехвачен Михой.

– Чего там? – с жадным интересом тот вцепился в руку.

– Не знаю, – Артём помотал головой, – просто все горит.

– Из-за чего?

– Повторяю, откуда мне знать?! Дед вон один говорит – химкомбинат рванул.

– Да ладно! Дай сам гляну.

И Мишка ужом ввинтился в толпу. Артём даже поразился, насколько ловче это у него выходило, сам-то он проламывался сквозь людей как ледокол, вызывая недовольство и бурчание. Мишаня при том же росте был более худощав и гибок. Из толпы слышалось его «извините», «простите», «мне только спросить». Да, этот без мыла куда хочешь пролезет.

Пока ждал, в памяти всплыл день, когда они познакомились. Миха заселился год назад, новоселье справлял со своими друзьями, такими же молодыми ребятами от двадцати до двадцати пяти лет, повеселились, конечно, но без перебо-

ра, и всей гурьбой отвалили. А уже около часа ночи в квартире ребят раздался звонок. С крайне нелюбезным настроением Артём потащился открывать. За дверью обнаружился их новый сосед, который молча изобразил на своей физиономии такую гамму раскаяния и неловкости, подкрепленную жестами рук, что недовольное сердце потихоньку оттаяло.

– Извините, ради бога, я ваш новый сосед снизу. Тут такая засада – ключи потерял, слесаря сейчас не найдешь, а снизу до своих окон мне гравитация допрыгнуть не дает, – глянул в глаза, протянул руку, – я, кстати, Миха.

– Артём, – ответил на рукопожатие. – И что предлагаешь?

– Слушай, у тебя веревки какой-нибудь не найдется? – с ходу перешел на «ты» новый сосед. – Я от тебя спущусь, у меня на кухне окно не закрыто.

– Какой-нибудь не найдется, а хорошая есть, – буркнул Артём и отступил вглубь, пропуская парня в квартиру. – Только давай я сам спущусь, не в твоём состоянии по веревкам карабкаться.

– Ты про это? – Мишка щелкнул пальцем по горлу. – Не дрефь, я же в погранцах на Кавказе служил. Знаешь, по каким горам лазили?

Короче, уболтал его тогда новый сосед, а буквально спустя минуту звонок раздался по новой.

– Во-первых, вот документы, чтоб ты был спокоен. Во-вторых, в знак признательности... – Появилась бутылка довольно дорогого коньяка и коробка конфет. Мишка оказал-

ся очень веселым, общительным малым, работавшим торговым представителем в компании замороженных полуфабрикатов. С этого момента и началась их если не дружба, то, как минимум, хорошие добрососедские отношения.

* * *

– Еще говорят, что мог НПЗ взорваться, хотя версия про химичку мне тоже кажется правдоподобнее, – вернулся из толпы Миха. – Пойдем? А еще я думаю, это не случайность, а теракт. Специально подстроили.

– Да ты что?! Кому такое надо?

– Мало ли? Это же инфоповод! Трагедия, бла-бла-бла, нужно сплотиться! И вот уже вся страна в едином порыве объединяется вокруг текущей власти!

Артём сбился с шага и остановился.

– Как тебе такое в голову приходит? Это ж сколько народу сейчас погибло?!

Миха усмехнулся:

– Ради бабок и не на такое пойти могут. Помнишь одиннадцатое сентября? Известно же, что американцы сами все подстроили!

– Да брось, это не доказано, и тем более при чем тут бабки?

– Власть, Тёма. Власть это и есть бабки!

Ответить нечего, Артём вздохнул, махнул рукой, и они

опять зашагали к своему подъезду. В ряду припаркованных машин взгляд выцепил знакомый силуэт Kia: на лобовухе паутина трещин, одного зеркала нет, на крышке багажника кусок кладки из нескольких кирпичей с толстым слоем штукатурки. Артём рефлекторно нащупал в кармане ключи. Нажатие кнопки брелока осталось безответным. Дернул ручку – заперто, открыл ключом. Машина мертва, поворот зажигания не вызвал никакой реакции.

– Куда ты на ней собрался? Вся дорога в поваленных деревьях. Я даже фонарный столб видел, – Миха был ироничен. – Да не зыркай так на меня, у тебя хоть этот кусок железа остался, может, реанимировать получится. А я свою пару дней назад на «Гарант» загнал.

– Вот блин! – Артём сочувственно вздохнул: станция техобслуживания «Гарант» находилась через забор от химкомбината.

На всякий случай забрал из бардачка еще один налобный фонарик и мультитул, достал из багажника титановую саперную лопату и складную ножовку.

Дверь подъезда хлопнула, на улицу вывалились несколько соседей.

– Здорово, мужики! – Мишка, в отличие от малообщительного Артёма, был на короткой ноге почти со всем подъездом.

– Чего вы тут стоите-выстаиваете? Тушить же надо! – вместо приветствия набросился на них крепкий сухощавый пен-

сионер Родионыч и махнул рукой на соседний дом.

Артём пожал плечами:

– Чем?

Родионыч зыркнул по сторонам:

– Во, земель! Дай лопату.

– Не дам. Толку никакого. Ты отсюда землю таскать будешь?

– Больно умный, малолетка. – Родионыч посверлил обоих парней безумными глазами, тщетно петушась, потом обернулся к сопровождавшим его соседям:

– Ладно, мужики, нечего тут время терять, там соседи наши погибают!

Ткнул пальцем соседа с первого этажа, возрастного, интеллигентного вида мужчину, в очках, рубашке и растянутых на коленях «домашних» трениках: – Валентин, дуй к первому подъезду, там пожарный щит был. Нужны лопаты, ведра, багор захвати.

– Так я же не донесу все, – Валентин развел руками, – да и замок там.

– Замок сбивай, – в уверенном тоне Родионыча не было ни капли сомнения. – Вон, Фёдор тебе поможет. Остальные за мной, мужики. Поможем нашим!

И они почесали вокруг дома.

– Дыма не наглотайтесь! – крикнул вдогонку Артём. И добавил уже скорее самому себе: – Кто вас откачивать потом будет? Спасатели, блин.

Миха, промолчавший всю сцену, осторожно кашлянул: – Не по-людски все-таки это, – он показал глазами на горящие квартиры и удаляющиеся спины соседей, – помочь бы надо. Сегодня ты поможешь, завтра – тебе.

– Да что я, сволочь конченная? – возмутился Артём. – Но не так же! Это ж чистая самодеятельность! Есть правило, Миша, «при проведении спасработ не увеличивай количество пострадавших»! А эти? – Он в сердцах сплюнул: – Короче, есть что надеть плотное и не из синтетики? Идеально – брезентуха. На ноги лучше берцы или кирзачи. И налобник. И противогаз, – увидел удивленный взгляд, – ладно, через десять минут здесь.

Следующие несколько часов Артём провел, бегая по подъездам своего дома. Взламывали квартиры, в чьих окнах чудились отсветы пламени, а когда рассвело – дым.

Для этого заорганизовали троих подростков – двое выглядывали подозрительные окна, один носился с сообщениями: «третий подъезд, второй этаж, левая, похоже на огонь». Тушить не тушили – нечем, старались выводить людей. В паре квартир нашлись жильцы, успевшие угореть от дыма, их вытащили на воздух и даже выкинули в окно тлеющую мебель. В общем, кого-то спасли, но реально нуждающихся в помощи оказалось не столь уж и много. Ну и, конечно, ничего не могли поделать с металлическими дверями, хотя за одной пожар был точно, даже дверь нагрелась. Но на стук никто не открыл: то ли квартира была пустая, то ли хозяевам уже не

помочь, а взломать такую дверь решительно нечем.

Артёму пришлось проводить ускоренный ликбез, объясняя, что в задымленных помещениях надо двигаться или ползком, или на корточках, иначе можно наглотаться дыма. Кого-то пришлось отправлять назад из-за неподходящей одежды.

Самое страшное оказалось в самой первой квартире. Когда дверь все-таки выломали, прорубив маленьким туристическим топориком, оттуда дохнуло настоящим адом. Жар такой, что внутрь никто не сунулся. Выглянувшая из квартиры напротив тетка, ахнув, зажала себе рот обеими руками. Появившийся следом ее муж – с виду тщедушный мужичонка в майке-алкоголичке – сделал попытку сунуться в огонь. Оттаскивали вдвоем с Мишкой.

– У них же дети малые! – кричал он.

– Держись, мужик, им уже не поможешь. – Мишка покачал головой, приобнял мужичка за плечи, заглянул тому в мокрые от слез глаза. – Лучшее, что ты сейчас можешь сделать, это не дать огню распространиться. Надо дверь прикрыть чем-нибудь негорючим. Найдете?

Мужик покивал, его поддержала жена. А парни отправились дальше.

Вернулись уже засветло. Чумазые, с опаленными бровями и волосами. Мишка заявил, что пойдет спать, просил не дергать без серьезных причин. На вопрос: «И ты после всего сможешь уснуть?» ответил просто, пожимая плечами:

– А чего рефлексировать без толку? Что-то изменишь? А так, как говорится, – вдруг война, а я уставший!

Подмигнул, пожал руку и скрылся за дверью своей квартиры. Обычной, филеночной, установленной, наверно, еще при строительстве дома, что Артём отметил на автомате. «Ну вот, если что – вынесу в два счета, напрактиковался».

Светка мирно спала, свернувшись в позе эмбриона на раскиданных спальниках. Стараясь не шуметь, разулся. Но когда стягивал с себя подпаленную горку, на плечи легли нежные пальцы.

– Привет! Ну как, ты всех спас?

Обернулся, заключил в объятия прильнувшую к груди жёну:

– Конечно, дорогая, мы всех спасли, – не смог выдать из себя правду.

– Иди мойся, я пока завтрак приготовлю. Ты же устал, наверно? Ой, – Светка прыснула в кулачок, – а у тебя брови сгорели! Какой ты смешной!

– С «помыться», солнышко, кажется, не выйдет. Воды нет.

– Да? Ну вот наконец-то твой дурацкий запас пригодится, зря я, что ли, об него себе все пальцы на ногах поотбивала?

Светка имела в виду пять пятилитровых баклажек и упаковку литрушек питьевой негазированной воды, что Артём держал под кухонным столом, обновляя раз в пару-тройку месяцев.

– Давай побережем питьевую воду, хорошо? Я потом к ру-

чью схожу, умоюсь.

Он сделал попытку поцеловать жену, но та стукнула его кулачком по груди, извернулась, погрозила пальчиком:

– Ну нет, мой муж за стол чумазым неумывайкой не сядет, – она протянула влажные салфетки. – Чего хочешь на завтрак?

И когда только успела их найти в этом бедламе!

– Давай съедим то, что в первую очередь может пропасть.

– Кстати, не знаешь, света долго не будет? А то в морозилке пельмени раскиснут.

– Светик, света теперь не будет долго. Мы их с тобой пожарим на сливочном масле, пока оно тоже не крякнулось. И давай съедим сырники. Сейчас горелку настрою.

– А что, и газа тоже нет? Ужас какой! – Светка подошла, крепко-накрепко прижалась к нему, посмотрела снизу вверх в глаза, спросила шепотом: – Тёмочка, ты ведь расскажешь мне, что случилось?

Он с нежностью провел костяшками пальцев по щеке жены, оставляя грязные разводы:

– Обязательно, родная, дай я только себя в порядок приведу.

– Конечно-конечно.

Жена отлепилась, пошла хозяйничать на кухню, оттуда донеслось:

– Ой, мамин сервиз. Как же я ей расскажу...

У Артёма защемило сердце, перед мысленным взором

встала картина горящего города, потом вспомнил, как Светка первый раз привела его знакомиться со своими родителями. И будущий тесть, хвастающийся видом на исторический центр с 11 этажа. Да как же ей сказать-то?!

В дверь постучали. Вернее, до Артёма дошло, что в дверь уже некоторое время кто-то еле-еле стучится. Явно не Мишаня, тот вполне мог бы сразу вломиться: «А что? Если вы заняты чем-то, для посторонних глаз не предназначенным, так запирайтесь. А коль не заперто, так чего возмущаетесь?»

Дверь, кстати, оказалась не заперта. На пороге стоял сосед по лестничной площадке:

– Привет, Саня, чего тебе?

– У вас воды нет? У нас малой раскричался, кормить пора, а вишь как – краны сухие.

К Сане Артём относился снисходительно. Тот был на пару лет моложе, но уже обзавелся изрядным пивным брюшком и тещей-склочницей в придачу с рассадой и дачей, в которую, судя по разговорам, вколачивал весь свой бюджет. Недавно у них появился первенец, и, судя по всему, кормили его в основном смесями. То ли у матери были проблемы с грудным молоком, то ли берегла фигуру: что-то такое Светка рассказывала, но Артём, конечно же, пропустил мимо ушей. Мало ли у кого какие проблемы, почему это должно его интересовать?

Мелькнула мысль сказать «нет». Даже успел отрицательно помотать головой, но что-то задержало. Прикинул. Без изли-

шесть, вдвоем, смогут обойтись пятью литрами в сутки. Ну а за два-три дня что-нибудь решится.

– Погоди...

Прикрыл дверь, сходил на кухню, вернулся и протянул пятилитровку.

– Больше не дам, у самих в обрез, расходуйте экономно, воды в кранах теперь долго не будет.

– Думаешь, надолго?

– А ты на улице был? Не видел, что там с центром?

– Не, куда там, малюго ели успокоили.

– Нет там больше никакого центра. Вот так. Так что воду, свет и газ давать нам некому. Может, воду привезут в цистернах, но я бы не рассчитывал.

– А что случилось-то?

– Да кто знает? Одни догадки.

– Ладно, спасибо за воду.

– Подожди еще. Ты воду на чем греть собрался?

– Что? – Александр, успевший повернуться, схватился за голову. – Точняк, газ тоже тью-тью. Бли-и-и-ин...

Опять развернулся к Артёму, растерянно хлопая глазами. Эх, и что с ними делать!

– Ща, не уходи.

Снова прикрыл дверь, сходил в комнату, осмотрел свои запасы. Выбрал горелку с раскладными лапками и шлангом, прикрутил газовый баллон на четыреста пятьдесят миллилитров, вернулся.

– Держи. Вот пьезоподжиг, вот регулятор. Разберешься?

– Спасибо. А вы как?

– У меня еще один есть, не переживай, – успокоил его Артём. Потом добавил с нажимом: – Экономьте. Как бы мебелью не пришлось топить.

У Сани округлились глаза, он пробормотал что-то нечленораздельное и отправился в свою квартиру. Артём постоял немного в проеме двери, прислушиваясь, закрыл дверь и вернулся к Светке.

– У них ребенок мелкий, – как бы извиняясь, развел руками.

– Конечно, милый. Ты правильно поступил. Тебе сырники со сметаной?

Завтрак проходил в молчании: жена ничего не спрашивала, а Артём так и не нашел в себе сил начать разговор.

Света была домашней девочкой и к родителям очень привязана. Он до сих пор порой удивлялся, что девушка из семьи рафинированных интеллигентов могла найти в таком простом парне? Когда она ответила согласием выйти за него замуж, он в ближайшем походе полночи не дал Владу уснуть, изливая душу.

– Посмотри на меня, я же простой складской работяга. Не инженер, не музыкант, не искусствовед, как ее мама. Я не тащусь от этих, как их там, импрессионистов, и ни фиги не понимаю в классической музыке. Что я могу ей дать? Обсудить какую-нибудь симфонию? Я Баха от Бетховена не отли-

чу. Не хожу на концерты и выставки, меня не тянет ехать в Рим, рассматривать старые развалины. Мне милей вот, – он обвел рукой ночной лес, обступивший островок дрожащего света со всех сторон.

Влад понимающе усмехнулся в усы:

– Знаешь, я тоже не психолог, но жизнь повидал. Мне кажется, она нашла в тебе то, с чем дефицит в их, как ты говоришь, рафинированной среде, – он сделал нарочито длинную паузу, прихлебывая из закопченной кружки неизменный кофе, который пил даже на ночь, – надежность. Ты надежный, уверенный в себе мужик, за спиной которого уютно и спокойно. А симфонии, как я тебя понял, она на работе обсуждает.

Артём судорожно вздохнул:

– Все равно. Нам же ее родители жить не дадут. Мы когда к ним приходим, я себя забавной зверушкой чувствую. Все жду, когда они ей скажут: «Хватит милая, наигралась, перебесилась, бросай своего грузчика, пора тебе нормального мужа поискать, из наших. Есть у отца на работе один скрипач... или пианист».

Влад хохотнул:

– А ничего, что ты не грузчик, а начальник смены?

– Ты думаешь, для ее родителей это не одно и то же?

– Артём, – включилась Вера, – ты на Светке женишься или на ее родителях? Вот и перестань паниковать, я тебя прям не узнаю. Зачем тогда предложение делал?

Вот Вера, по Артёмову мнению, была идеальной женой выживальщика. Влад познакомился с ней еще на службе, когда та работала в госпитале. Верная, надежная подруга и в походе, и в жизни. И обед приготовит, и рану, если что, перевяжет, и с ноги в ухо вполне может. При этом весьма милостивая и стройненькая.

– Если честно, я даже не надеялся, что согласится. Для меня это все равно что... – замялся, подбирая сравнение, – все равно что мечтать стать президентом. А тут раз, и соглашается. Я даже не знаю, что мне делать!

– Делать? Вести под венец и перестать грузиться негативными мыслями, – Влад подмигнул, – и нам спать не мешать, а то завтра надо верст двадцать отмахать.

Вера встала, отряхиваясь, сделала шаг и потрепала Артёма по волосам:

– Но в Рим тебе все же придется съездить. Или во Флоренцию. Надежность надежностью, но маленькие радости своим любимым доставлять надо, раз уж решил мужем назваться. Ничего, перебьются местные комары без твоей крови недельку-другую. И пусть это будет сюрприз.

К удивлению и несказанному облегчению, родители отнеслись к Светкиному выбору с уважением, отношения вполне наладились. Может, с тестем он и не ходил на рыбалку или в походы, а тещу не называл мамой, но у себя дома они принимали зятя весьма радушно и, кажется, радовались за дочь.

О своих родителях он не беспокоился. Мать долго болела, ему даже отсрочку от армии сделали по уходу за больной. Когда он учился уже на пятом курсе, умерла, а отец через полгода женился по новой, причем на материной подруге. Простить такое сын не смог и по окончании института рванул к приятелю в другой город, да так тут и остался. С тех пор отца ни разу не видел, вот сейчас только вспомнил.

– Кстати, хозяйюшка моя, у нас пустые пластиковые бутылки есть?

Завтрак подходил к концу, и, наблюдая, как супруга наливает из баклажки воду для чая в стоящую на огне кастрюльку, Артём внезапно вспомнил о многотопливной горелке.

– Схожу, из машины бензин солью, пока это кто-то другой не сделал.

– А мы что, на ней пока ездить не будем?

– Пока нет.

– Жалко, я так люблю нашу машинку.

Эх, женщины! Мир летит в тартарары, а вам лишь бы муж был сытый да привычные вещи под рукой. Ладно, для того у вас есть мы, мужчины, чтоб все остальные заботы брать на себя.

Когда Артём появился на улице снова, рассвело окончательно. Квартиры напротив уже не горели, из некоторых продолжал валить дым, следы пожара в других оставались заметны только по копоти вокруг окон. На удивление, улица казалась безлюдной. Видимо, тот народ, что подорвался но-

чью, как Артём с Михой, уже отправился отсыпаться. А кто проспал все события, еще не выходили, с удивлением разглядывая перемены во внешнем облике района из разбитых окон.

Со стороны проспекта доносился какой-то гомон. Подойдя ближе, Артём увидел группку мужчин, что-то отчаянно обсуждавших. Подошел, поздоровался. Некоторых знал, кого-то просто видел, человек десять относительно активных соседей. Они обступили худощавого мужичонку лет за сорок, который жадно прикладывался к пластиковой бутылке и в перерывах пытался что-то рассказать, перемежая речь матюгами и жестикуляцией. Мужичок был одет в хэбэшный камуфляж, сейчас сильно обгоревший, местами даже еще дымившийся; короткие рыжеватые волосы закурчавились от жара, на лице и кистях рук виднелись ожоги.

– Короче, дальше ручья хода нет. Жарит – мама не горюй, что в печке у Яги. Я хотел по воде поближе подобраться, глянуть, ну как там да чего. До моста еще можно, а дальше пи-сец.

По словам Славуна, так звали «разведчика», полыхать начинало со старого района, где среди девятиэтажек еще умудрялись сохраняться островки частного сектора, сейчас добавлявшие огоньку. Но ближе к району огонь не подобрался: на склоне гореть нечему, а пойма ручья все ж болотина – пока жар ее не высушит, можно не сильно беспокоиться.

С рассветом, гонимый то ли любопытством, то ли граж-

данским долгом, Славун оседлал верного железного коня о двух колесах и попылил на разведку. Человек, тертый жизнью, оделся в плотное хэбэ, замотал лицо тряпкой и вылил на себя полведра воды. Одежда высохла еще на подъезде к мостику.

– Так жарит, мужики, аж трындец: дыхалку перехватило, чую – кожа на лбу трескается. А потом взорвались шины. Насилу ушел, думал, вот тебе, Слава, и карачун пришел. Мостик, кстати, мужики, просел. Не обвалился, но одна плита провалилась, теперь там чисто, как на жэдэ переезде порог, и всё, приехали.

– Не видел, вода в ручье осталась?

– Бляха... вот не посмотрел, трындеть не стану. Воды не видел. Мож, посохла вся, а мож, просто обмелел ручей.

Артём дальше слушать не стал, ибо опять начались рассуждения, что же могло случиться. Тратить на это время посчитал бессмысленным, вернулся домой, где Светка громыхала на кухне, разбираясь с завалами из посуды и мебели. Взглянула на вошедшего мужа выжидательно и, не дождавшись ответа, вернулась к уборке. Артём же добрел до спального угла и рухнул на пол. В голове носился хоровод невеселых мыслей. Почему-то вспомнилась фраза, задумчиво высказанная молодым парнем лет двадцати пяти, когда во всем общем офигевании первый раз тарацились на полыхающий город: «Судя по всему, на работу мне завтра не надо».

Да я и так в отпуске. Сделалось до боли обидно, захоте-

лось крикнуть в пространство: «Вы что, два-три дня не могли потерпеть? Мы бы уехали, и тогда взрывайте что хотите!»

Сознание как будто разделилось. Что будешь делать, Артём? Ведь это то самое, к чему так готовился. И вот случилось, радуйся: теперь всем, кто над тобой смеялся, можно расхохотаться в лицо, говорила одна часть Артёма, умная, рациональная. Что-то не хочется, отвечала другая его часть. И снова зудил первый: чего же ты сидишь? Почему еще не собран, зачем Светка разбирается на кухне? По плану при ядерном ударе вы уже должны были покинуть город и быть на полпути к убежищу. Да с чего ты решил, что это ядерная война? Второй: это же химкомбинат рванул. Или нефтепереработка. Или оба разом. Кто-нибудь видел гриб? Или пожары? От светового излучения должен был лес загореться, и где? Первый: а то, что куски кирпичной кладки с крыш посыпало у нас, в восьми километрах от центра, и вся электроника вырубилась – это тебе ни о чем не говорит? Или тебе надо, чтоб по трансляции президент выступил? Второй: так проводную систему оповещения сняли еще лет пять назад. Если прав тот дед и сначала был разлив чего-то взрывоопасного, а потом испарение и перемешивание с воздухом, то это гигантский объемный взрыв, представляешь силу? ТЭЦ стояла рядом с химиками, вот и нет электричества. Небось, и все подстанции накрылись.

А если все-таки оно? И что тогда? Вот приедут военные: «выходи строиться на эвакуацию, с собой маленький узелок

личных вещей» – что делать будешь? «Дяденьки, отпустите меня, у меня есть свой бункер»? Ага, и получишь: «сообщи-те координаты, спасибо за проявленную сознательность, он очень пригодится... а теперь – марш в автобус, и не отсвечи-вай». Эх, опять отвечало альтер эго, если эвакуация начнет-ся, то все вопросы отпадут. Вот тогда и ломанемся со Свет-кой, не думаю, что вокруг района будет кольцо непроходи-мое. Это же эвакуация, а не отлов преступников.

А какие вопросы у тебя еще остались? Ждешь, пока дозу хапнешь побольше? Или тебе нужно, чтоб Влад дал распоряжение? Влада нет, и Веры нет. Они жили как раз там. Ну, там, в общем, где сейчас филиал ада.

Да, черт побери! Да! Если бы сейчас открылась дверь, во-шел Влад и сказал: «Собирайся, боец, наше время пришло», Артём, ни секунды не колеблясь, схватил бы рюкзак... Кста-ти, где он? Поискал глазами, мысленно выругался. Рюкза-ки, его и Светкин, лежали в углу комнаты, конечно же, по-лупустые. Особенно его, после крайнего (или теперь все же последнего?) тренировочного выхода в лес. КЛИМН (круж-ка, ложка, миска, нож) в мойке, пришлось использовать, по-скольку остальная посуда побилась. Оба спальника они под-стелили себе на пол вместо матраса, до сих пор торчащего в окне. Пенки вместе с самонадувайками там же. Вся электро-ника: навигатор, рации, фонари – все на зарядке, в оружей-ном сейфе. Впрочем, какая на фиг зарядка? Электричества же нет. Ходовая одежда частью в стирке, частью по шкафам.

Собирались же на море, а не в лес. Короче, рюкзаки надо собирать заново.

* * *

Светка неслышной тенью опустилась рядом; смешно морщась, попыталась сдуть челку, лезущую в глаза. Не получилось. Он аккуратно убрал, провел рукой по волосам, привлек, поцеловал.

– Не прижимайся, я вся пыльная, – уперевшись кулачками ему в грудь, отстранилась, – у нас там просто армагеддон какой-то, вся посуда вдребезги. Кстати, так ты расскажешь, что у нас тут случилось?

Она нахмурилась, посмотрела искоса, толкнула плечом:

– Только не вздумай говорить, что случилась эта ваша ядерная война и на нас со всех сторон лезут мутанты.

– Да, – хрипло выдавил Артём, кивая.

– Что «да», милый? Мутанты?

Он прочистил горло, собрался с силами. Господи! Ну почему в книгах и фильмах все всегда всё понимают по лицу? Почему не в жизни?! Тогда бы не пришлось сейчас из себя выдавливать правду. Потом взял супругу за плечи и, глядя в глаза, проговорил, как в прорубь прыгнул:

– Я на самом деле точно не знаю, что произошло. Был большой взрыв. Сейчас весь город горит. Похоже, уцелел только наш район, огонь через ручей не перекинулся.

– Как горит? – все еще продолжая улыбаться, спросила недоверчиво.

Ее лицо на глазах преобразалось. Погас веселый блеск в глазах. Растянутые губы съеживались, стирая улыбку. На смену приходила растерянность.

– Это шутка такая?

Он отрицательно помотал головой.

– Подожди. Что ты такое говоришь? А как же...

Замолчала, не найдя в себе сил выговорить. Тогда сказал он:

– Родители?

Ее большие серые глаза стали наполняться влагой, и вот уже первая капля прокатилась по щеке, пробивая себе блестящую дорожку. Губы, минуту назад улыбавшиеся, задрожали.

Он опять покачал головой:

– Прости родная, но...

Мягкая ладошка накрыла его рот, затыкая, не давая вырваться наружу словам.

– Не говори, нет. С ними все хорошо, я знаю. Я бы почувствовала.

Она отвернулась, съеживаясь, сжимая руки между коленями. Потом снова взглянула на мужа невидящим, обращенным внутрь себя взглядом.

– Н-нет, это не может быть правдой.

У Артёма сильно сжалось сердце. Да лучше бы она застав-

ляла его что-то сделать, ругала, обвиняла в недостатке мужества.

Он обнял жену, крепко прижимая к себе, зачем-то принялся говорить какую-то глупость: дескать, да, родная, еще ничего не известно, они высоко и огонь до них не дотянулся. И вообще, современные дома полностью бетонные, гореть в них нечему, и чуть позже он обязательно сходит и выручит ее родителей.

А перед мысленным взором стоял обожженный Славун, полыхающие дома за ним и ощущаемый спиной поток воздуха, дующий в направлении пожара. Читал о таком – огненный шторм, когда большой пожар начинает работать по принципу печи: нагретый воздух над пожаром улетает вверх, а на его место со стороны подтягивается свежий, раздувая огонь еще больше. Температура в центре города сейчас такая, что надежды никакой.

Сколько они бы так просидели, неизвестно. Но в дверь сначала энергично постучали, а потом она и вовсе открылась.

– Хозяева!

Светка отстранилась, начала вставать. Из-за дверного косяка в комнату заглянула Мишкина голова. Он был взъерошен, с оставшимися следами сажи.

– Проходи, – Артём махнул рукой, – только у нас тут вот. И показал на обломки шкафа, разбросанные вещи.

– Да не парься, у всех так же.

Сосед появился полностью. Взглянул на Светку, потом внимательно на Артёма, потом опять на Светку.

– Слушай, Тёмыч, мы тут за водой собрались, составишь компанию?

Мелькнула мысль, что вода пока есть, да и свободной тары после слива бензина с машины в доме не осталось. Но он ухватился за малодушную возможность сбежать из дома, отвертеться от дальнейших объяснений. Или, по крайней мере, отложить их на какое-то время.

– Ага, сейчас. Свет, нам же нужна техническая вода?

– Какая?

– Ну там умыться, посуду помыть? Чтоб питьевую не трахать.

– Конечно, родной, – немного вымученно улыбнулась жена. – Ты же как раз собирался отмыться. Возьми тогда с собой гель и полотенце.

Уже выйдя из квартиры, толкнул соседа в бок, заговорщическим тоном спросил:

– Слушай, Мишань, у тебя свободная тара есть? У меня просто вся заполнена.

– Найду что-нибудь.

Перед дверью своей квартиры Миха вдруг слегка сконфузился:

– Только ты не мог бы подождать здесь? Я, понимаешь, не один...

– Когда же ты успел?!

– Да еще вчера, до всего этого. Подцепил в «Трех пескарях».

Артём понимающе усмехнулся – Мишаня был тем еще ходяком. Буквально через пару месяцев знакомства Артём перестал даже пытаться запомнить внешность и имена девиц, которых видел в компании соседа. На вопрос «когда же ты остепенишься?» Миха обычно отвечал, что как только встретит ту единственную, а сейчас он в поиске, как говорится, «методом простого перебора вариантов». Вначале Артём немного напрягался из-за Светки. Но к чести соседа, тот, видимо, что-то почувствовал и как-то заявил, что он – не козел, а жены и подруги его друзей – святое. Светка, со своей стороны, эту особенность их знакомого восприняла спокойно, сказав, что девицы, выходящие по утрам из квартиры под ними, взрослые, дееспособные и на обманутых наивных дурачков не похожи. Так что эта сторона чужой жизни ее не касается.

У подъезда ждали еще двое. Василия Фёдоровича, сухопарого мужчину лет шестидесяти, Артём знал: тот жил в их подъезде, на верхнем этаже, при встрече здоровались, но и только. Второго, такого же возрастного дядьку чуть помассивнее Фёдорыча, он тоже видел, знал, что живет в их же доме, но знаком не был.

– Кирилл, – представился незнакомец, обменялись рукопожатиями. – Пошли?

Вчетвером они пошагали вдоль дома в противоположную

от проспекта сторону. Гроздь пустых баклажек в руках погромыхивали в такт шагам. Некоторое время шли молча, потом новый знакомый заговорил.

– Артём, Михаил говорит, что ты специалист по выживанию, так?

Артём глянул на Мишу, тот пожал плечами: дескать, а что такого?

– Вроде того. В природной среде.

– Это в лесу, что ли?

Артём молча кивнул.

– Ну, у нас тут не лес, слава богу, а самая что ни на есть городская среда. Впрочем, неважно. Что думаешь по поводу всего этого? – Он крутанул пальцем над головой, как бы показывая на окружающее.

Артём пожал плечами:

– А что я должен думать? Я не знаю, что произошло, говорят, техногенная катастрофа.

Кирилл, не сбиваясь с шага, посмотрел не него долгим, внимательным взглядом:

– Я тебя не о причинах спрашиваю. О них нам потом расскажут. Или внуки в книжках прочитают. А может, и не узнаем никогда, неважно. Сейчас важнее – что делать дальше, а, выживальщик?

– Выживать, – буркнул Артём.

Кирилл посмотрел на Мишку, обменялся взглядами с Василь Фёдоровичем, остановился.

– Слушай, парень, что я из тебя слова тащу, как клещами. Не хочешь помогать, так и скажи: мужики, идите лесом. Только сначала послушай меня. Старая жизнь нынче ночью пошла коту под хвост. И есть у меня большое сомнение, что кто-то о нас обо всех сейчас думает. А у нас здесь семьи, дети, у некоторых уже внуки. Им, как ты правильно заметил, нужно выжить. Как минимум до того момента, когда власти вспомнят. Как максимум...

Он отвел глаза, сплюнул:

– Люди пока не пришли в себя, тихарятся по домам. Продукты у большинства есть. Вот только что будет, когда они поймут, что в магазин за хлебом метнуться не получится. А кушать тем не менее хочется.

– Погоди, ведь магазины, по крайней мере на районе, уцелели. Почему не получится?

– А ты ходил, проверял? Сейчас сколько времени?

Артём глянул на часы:

– Ух ты! Половина первого!

– Вот именно! Ни один не открылся! Думаешь, чего я вас за водой потащил? И потом, на сколько их хватит? За день-два все сожрут, а что дальше?

– Ну это ты зря, Кирилл Вячеславич, в нашем торговом центре запасы большие, я же в пищежке работаю, видел их склады.

– Какие бы склады большие ни были, Миша, а они конечные.

– Продукты ерунда, – буркнул Артём, – за неделю никто не умрет. Вода! В первую очередь нужно подумать о воде.

Кирилл снова взглянул на Артёма:

– Вода?

– Конечно. Какая норма потребления воды в сутки? От двух до трех литров, если точнее – тридцать миллилитров на килограмм массы тела в день. Физиологическая норма.

Увидев непонимание в глазах, пояснил:

– Это простое восполнение суточных потерь организма, меньше – будут проблемы.

Фёдорыч и Кирилл спросили хором:

– Какие? Как быстро?

– Сначала сухость и резь в глазах, потом появится чувство голода. Дальше хроническая усталость, потеря мышечной массы, боли в суставах, головная боль. Потеря двадцати процентов влаги – смерть.

Мужики переглянулись:

– Вот блин!

– Кстати, сейчас лето, дни жаркие, увеличивайте расход. А теперь задумайтесь, сколько у большинства воды дома? Думаю – полчайника и бачок унитаза, если еще не спускали. Может, кому-то повезло и в морозилке лед намерз, который сейчас активно тает.

Фёдорыч хлопнул себя по лбу:

– Вот ведь! Представляете, а моя заявила: «Ну и хорошо, я как раз морозилку разморожу!» Мелкий сейчас эти куски

в ванну носит. Черт, вернуться, сказать, чтоб собрали куда?

– Да ладно, не надо, и так за водой идем. Я просто хотел обрисовать картину, чтоб понимали. В конце концов, у нас ручей под боком и до реки относительно недалеко. Не в пустыне – не пропадем.

– Ну что ж, – протянул Кирилл, – вот ты уже и помогаешь. Как видишь, это несложно. Значит, сейчас разведаем, где можно набирать воду, организуем доставку к домам. Эх, надо бы цистерну найти, но только небольшую, чтоб ее можно было врукопашную таскать.

– Скажите, Кирилл, – начал Артём, тот его перебил:

– Можно на «ты», не до церемоний, одно дело делаем.

– Хорошо. Скажи, Кирилл, вот ты организуешь доставку воды. Дело хорошее, народ, сидящий по своим норам, наверное, даже скажет тебе спасибо. Потом еще дрова...

Опять непонимающие взгляды, снова пришлось пояснять:

– Воду надо кипятить, пить сырую из ручья или реки я бы не советовал. Тем более сейчас. Но ты же, наверное, и централизованное распределение продуктов решишь организовать, ведь так?

– Придется.

– А как ты это представляешь? Вот смотри, привез ты бочку воды, тележку дров. Кстати, автомобильный прицеп вполне и под воду подойдет, если достаточное количество пустых пятилитровок найти. Народ выстроился в очередь, разобрал. Но как только ты заявишь, что наложишь лапу на продоволь-

ственные запасы, тебя тут же спросят: «На каком основании? Ты кто такой, чтоб решать, кому сколько еды?»»

– Вот ты уже и правильные вопросы задаешь. Все же не ошиблись мы с тобой. Да, мозговали над этим. Придется общее собрание проводить и выбирать что-то вроде комитета. И чтоб все проголосовали. Тогда ни одна тварь не скажет: «Кто ты такой?» Но без этого никак!

И Кирилл рубанул воздух ребром ладони. Артём вздохнул. Собрания он не любил, считая пустой говорильней, в которой побеждает не тот, у кого лучше аргументы, а тот, кто глотку дерет громче. Но спросил другое:

– Ну, хорошо, предположим, провели вы собрание, угробили кучу нервов и времени, чтоб убедить всяких горлопанов, что вы – это то, что нужно. Организовали комитет, начали обеспечение водой и дровами, даже на контроль продуктовых запасов добро от людей получили... А буквально завтра-послезавтра появляется здесь колонна, присланная для помощи, вам говорят: «Спасибо, но теперь мы сами». Что делать будешь?

– Сдам полномочия, выдохну и встану в ту же очередь. Ты пойми, я не боюсь показаться глупым перестраховщиком, я не хочу оказаться мертвым... В общем, ты понял.

К воде пришлось продираться через кустарник, расширять бочажок, чтоб набрать в пятилитровку, ждать, пока смоев муть, и все равно Артём посоветовал воду перед кипячением профильтровать через ткань. Потом еще Кирилл-

лу приспичило найти место, где можно подкатить прицеп. В итоге экспедиция затянулась, и вернулись к дому весьма нескоро.

У подъезда Мишаня придержал приятеля за рукав.

– Ты какой-то смурной, – всмотрелся в лицо, – причем чем ближе к дому, тем мрачнее. Дома что-то?

– Да... – Артём мрачно поморщился, – Светке пришлось рассказать. Про остальной город. А там же ее родители! Короче...

Недоговорив, махнул рукой.

– И поперся с нами?! Ну ты даешь! Надо было послать меня с этой водой, я бы понял.

– Ну я же не просто так с вами гулял. Мы же делом занимались!

– Слушай, мы все вменяемые. Мужики так вообще – семейные, не то что я, балбес. Сходили бы одни, о делах поговорить и позже можно, за час-другой ничего не изменится. Это же жена! Мало того, что рассказал о смерти родителей, так и смылся вдобавок. – Миха покачал головой. – И я хорош! Вижу, что фигня какая-то, у тебя жена в слезах, нет чтоб спросить, что происходит!

– Да она, похоже, не верит. Может, так лучше, – стал оправдываться Артём.

Мишка положил Артёму руку на плечо.

– Нет, дружище, не лучше, правду надо рассказать. Да она у тебя и сама девочка умная, догадывается. Просто пока не

может смириться. Но ты, – ощутило ткнул его пальцем в грудь, – должен ее поддерживать.

– Да что я, не поддерживаю, что ль?

– Ага, я вижу, как. Давай, домой, и – к исполнению супружеского долга приступить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.